

А. С. КОЛЕСНИКОВ

Философия сознания Б. Рассела и аналитическая философия

Философия XX в. претерпела значимые изменения и в наши дни представляет собой множественную совокупность традиций, идей, методов, гипотез, теорий и моделей описания и отображения различных духовных феноменов и общественных реалий. Эволюция современной философии Востока и Запада была по преимуществу не линейной, а представляла собой многомерный, противоречивый и неоднородный процесс. Однако и здесь можно отметить «точки роста» или «революции парадигмального характера», которые инициировали методологические и контекстуальные прорывы в системе философского знания и способствовали появлению принципиально новых представлений о предмете философии и ее языке. Среди них особую роль играют аналитические программы и постмодернистские подходы к модернизации философии. Эти версии философствования — и теоретические альтернативы, и взаимозависимый продукт концептуального взаимодействия как философских школ и традиций, так и пограничных социогуманитарных дисциплин.

«Романтические» версии аналитической философии в начале прошлого века были такими точками роста. Философия сознания Б. Рассела в этом смысле сыграла важную роль в дальнейшем развитии этой темы. Метод логического анализа Рассела вел непосредственно к нейтральному монизму. На место материальных вещей им ставится конструкция из простейших частиц, которые в точности соответствуют непосредственным данным. Эти мотивы способствовали отказу мыслителя от понятий «субъект», «сознание», отождествлению чувственных данных и ощущений, замене «субъекта» и «объекта» конструкциями из непосредственных данных, что уже связано, в свою очередь, с устранением возможности различения физического и психического.

Знакомство Рассела с теориями «новых реалистов» в Гарварде весной 1914 г. стимулировало изучение им «Анализа ощущений и отношений физического к психическому» (1886) Э. Маха. Поко-

рили Рассела работы Джеймса «Существует ли сознание?» (1904) и «Эссе по радикальному эмпиризму» (1912). Своими впечатлениями по поводу этих работ он делится в статье «О природе знакомства» (1914), в которой признательно цитирует Джеймса, а также «Анализ ощущений» и «Философские тенденции настоящего времени» (1912) Маха. Он также находит термин «нейтральные ощущения» в «Учебнике психологии» гегельянца Дж. Ф. Стаута.

Расселу по душе был «революция» неореалистов — переориентация философии со спекулятивно-умозрительных методов на эмпирические, с субстанционализма на феноменализм. Рассел, по сути, продолжил философию Джеймса в борьбе против монизма и субстанционализма, утверждая плюрализм материальных свойств и подчеркивая отношения между вещами, а не отношения субстанций и атрибутов. Рассел принимает теорию внешних отношений, следствием которой было утверждение существования субстанциально-нейтральных элементов мира, при котором имеется функциональное различие субъективного и объективного. Сама теория была взаимосвязана с разделением бытия на «существующее» (физические вещи и содержание сознания) и «идеально существующее» (математические и логические объекты, отношения, прошлые и будущие события, заблуждения, иллюзии, кентавры, круглые квадраты). Эти идеи Мейнонга и Рассела неореалисты взяли за основу доказательства существования «нейтральных сущностей». Самому Расселу был близок философский нейтрализм, соединяющий вульгарный материализм с юмизмом и платонизмом, оригинально проявившийся у Р. Б. Перри, согласно которому различие между душой и телом относительно и функционально, а не содержательно*.

Но особенно повлияла на позицию Рассела статья Джеймса о сознании. Исходным пунктом учения Джеймса этого периода было понимание сознания как слитного, недифференцированного «потока непосредственных ощущений и впечатлений», возникающего на основе непрерывных нервных возбуждений. В зависимости от «внимания» и «интереса» человек разрывает этот исходный «поток сознания» на отдельные части и строит таким образом *свой* «чистый опыт» — материал для создания «реальности». Существование объективной реальности заменяется Джеймсом извлечением из опыта произвольно скомбинированных «групп чувственных элементов», образующих вещи, причины, действия на основе «воли к вере» и в целях удобства. Изначальный материал опыта рассматривается как «нейтральное» вещество, которое лишь в процессе познания и поведения расчленяется на познающий субъект и объект позна-

* Perry R. B. Present Philosophical Tendencies. London, 1912. P. 312.

ния. «Дух и материя», «душа и тело», пишет Джеймс в своей статье, представляли собой вначале два ряда субстанций, совершенно «равноценных по достоинству и значению». Необходимость сознания была вызвана потребностью объяснить тот факт, что вещи не только существуют, но еще различаются и познаются.

Допуская существование «мировой материи», или «чистого опыта», он объяснял познание как особый вид взаимоотношения, в который входят различные элементы этого опыта, образующие в одном сочетании мысль, а в другом — вещь. Итак, то, что кажется единой реальностью, в действительности занимает два места: одно — во внешнем мире, а другое — в уме воспринимающего субъекта. «Чистый опыт» оказывается местом пересечения этих двух процессов, связывающих его, соответственно каждому случаю, с различными группами явлений. Воспоминания, воображения — тоже есть «образцы чистого опыта», как и душевные состояния^{*}. Если оставить совершенно в стороне восприятия, то любой не воспринимаемый опыт, подобно воспринимаемому, может быть рассмотрен в качестве физического или психического. «Чистый опыт» есть то, что всякое время является «непосредственной областью настоящего», в котором заключается потенциальная возможность стать субъектом или объектом. Основная мысль Джеймса, приемлемая Расселом, такова: «Сознание указывает на известного рода внешние отношения, но не означает особого вещества или способа бытия»^{**}; «общей материи чистого опыта» нет; материй столько, сколько природ воспринимаемых вещей. Адекватный мысленный образ любого протяженного объекта должен обладать протяженностью, свойственной самому объекту. «Различие между объективной и субъективной протяженностью заключается исключительно в отношении к контексту». Сознание — субстанция фиктивная, неопределяемая, а вот мысли, пребывающие в конкретном объекте, вполне реальны и «сделаны из той же материи, что и вещи»^{***}.

Таким образом, Джеймс депсихологизирует сознание, выступает против его субстанциализации. Гносеологический дуализм лишает его возможности найти переход от сознания к действительности. Духовное, «чистый опыт», объявляется материальным. Это была попытка феноменалистического сведения психики к непосредственно наблюдаемому поведению, в котором она проявляется и объективируется. Знание об объекте действительности сводится к различного рода реакциям на внешние раздражители. Образы предметов внеш-

* Джеймс У. Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. Сб. 4. СПб., 1913. С. 102, 104, 108, 109.

** Там же. С. 118.

*** Там же. С. 127.

него мира, имеющиеся в сознании человека, трактуются как физиологические состояния, а не отражение объективно существующего материального мира.

Эти идеи легли в основу расселовской неореалистической концепции «нейтрального данного» как первичного элемента, имеющего свое особое логическое бытие. В то время его теория познания во многом не согласовывалась с концепцией Джеймса и испытывала определенное влияние учения Витгенштейна. В статье «О природе знакомства» центром этой теории является «знакомство» — двойное отношение между субъектом и объектом, не нуждающееся в какой-либо общности с природой. Субъект относится к психическому, а объект — к физическому. Объект может быть в настоящем или в прошедшем, не быть во времени вообще, или быть ощущаемым, абстрактным логическим фактом. «Все познаваемые отношения — внимание ощущение, память, воображение, вера, недоверие и т. д. включают в себя знакомство»*.

Эту концепцию Рассел защищает от трех конкурирующих с ней теорий: теории 1) Маха и Джеймса, не признающей «знакомства», включаемого во все духовные факты Расселом; 2) «идеалистических монистов», утверждающих, что непосредственный объект восприятия является духовным, как и субъект восприятия; 3) согласно которой между субъектом и объектом имеется некая третья духовная сущность, некое состояние ума, посредством которого субъект «схватывает» объект. С точки зрения Рассела, теория нейтрального монизма «наиболее интересна» и доказательна.

Сущность нейтрального монизма усматривается Расселом в том, что физические и психические части мира различаются между собой не материалом, а его расположением и контекстом**. Так ощущение может становиться то частью ума, то частью физического мира, и то, что, по словам Рассела, физиолог рассматривает как материю мозга, в действительности состоит из мыслей и чувств, а различие между духом и материей — просто различие упорядоченности. В этом случае каждый объект лежит в точке пересечения двух каузальных серий с различными законами, а именно психической и физической. «Мысли» по существу не отличаются от «вещей»; поток моих мыслей есть поток вещей, которые будут мыслиться, а проще, поток мыслей есть закономерная последовательность, отличная от физических законов. Рассел пересказывает, правда с некоторыми изменениями, теоретико-познавательную концепцию Маха с его «функциональным» различением физического и психического и модифицирует ее

* *Russell B. Logic and Knowledge. Essays 1901–1950. London, 1956. P. 145–150.*

** *Ibid. P. 139–159.*

в «Анализе сознания» (*Analysis of Mind*, 1921)*. Он отмечает пользу «нейтрального монизма» от вводимого им «достопримечательного упрощения», согласно которому пространство действительного опыта соответствует психологии, пространство геометрии — логике, а пространство физики колеблется между ними в «простом наряде рабочих гипотез»**.

Большая часть аргументов за нейтральный монизм была представлена Расселом в полемике с положением о том, что познание внешнего мира происходит посредством «промежуточных идей», схватывающих предметы (Р. Б. Перри: познанные вещи «входят в разум»). Он соглашается с нейтральным монизмом в непосредственной данности составных частей физического мира, но считает духовное и физическое различными сущностями. Однако мыслитель замечает, что прежде чем опровергать нейтральный монизм, необходимо содействовать уменьшению разногласий между теориями Маха, Джеймса и его собственной путем их интегрирования, а также подчеркиванием важности и трудности их решения.

В расселовских статьях 1914–1919 гг. (вплоть до «Анализа сознания») происходит своего рода усвоение и видоизменение теории «нейтрального монизма». Так, в статье «Отношение чувственных данных к физике» он связывает метафизический статус *сенсibiliй* (чувственных данных, которые не ощущаются субъектом и играют роль объекта) с психическим посредством «частности», которая становится «духовной», когда нечто осознается; факт будет назван духовным, когда он будет содержать в себе некую духовную частность как свою собственную часть. *Вывод*: психическое и физическое не являются неизбежно взаимоисключающими сущностями, поскольку они «частично совпадают». Именно в этом факте Рассел видит точку совмещения своей теории с концепциями Маха и Джеймса. «Совпадение» мира чувств мира физики, по Расселу, достигается таким путем: познающий субъект, двигаясь в пространстве, замечает, что различные сенсibiliи весьма подобны друг другу и объединяются в явление. Психолог исследует место наблюдения сенсibiliй, а физик — место их размещения. Таким образом, знание о реальности оказывается комбинацией их чувственных данных. И задача состоит в том, чтобы «определить объекты физики как функции чувственных данных»***.

В эссе о «Научном методе в философии» (1914) Рассел прямо заявляет, что он принимает взгляд Джеймса относительно единства мира и цитирует выдержки из его работы «Некоторые проблемы философии» (1911). В статье «Составные элементы материи» Рассел

* *Russell B. My philosophical Development*. London, 1959. P. 135–140.

** *Russell B. Logic and Knowledge*. London, 1956. P. 145–147.

*** *Russell B. Mysticism and Logic*. London, 1960. P. 148–149.

обсуждает понятие материи, отмечая при этом, что он придерживается реалистической позиции, согласующейся с работами Александра и Нанна, которые принесли «ощутимую пользу» в решении вопроса соотношения физики и чувственных данных*. Они доказывали, что пространство и время, соединяясь, дают нейтральный материал — «эмпирическое» пространство-время, в котором путем эволюционного процесса возникают материальные и духовные явления. Таким образом, материя оказывается вторичной, производной от пространства-времени, выступающего источником всех эмпирических качеств. Разумеется, здравый смысл прав, что физическое находится вне ума, но неверно считать воспринимаемое субъективным и постоянным.

Действительные данные восприятия, непосредственные объекты наблюдения, осязания или слуха, продолжает Рассел, не относятся к духовному, а являются чисто физическими, т. е. относящимися к составным элементам истории. Непосредственные данные находятся в состоянии вечного движения (потока). Мир состоит из некоей массы сущностей («частностей»), расположенных в определенной последовательности и постигаемых не по аналогии с кирпичиками здания, а, скорее, по аналогии с нотами в симфонии. Явления действительности подобны звукам симфонии, и потому вещь следует считать не более «реальной» или «субстанциальной», чем, например, партию тромбона. Таким же путем признается «вполне реальным» и дух, определение которого Рассел дает через перечисление «несомненно духовных» случаев. Это — верования, сомнения, желания, волнения, получение удовольствия, страдания, а также видение, слух, обоняние, восприятие. Но то, что видится, слышится, воспринимается, — не духовно, а материально и находится вне человека**.

Избежать неверных выводов, по Расселу, можно посредством реконструкции всей концепции мира и *радикального анализа* причины времени, пространства, в основе которых лежит «частность». Имеются два способа ее классификаций: по признакам «перспективы» и по различию аспекта рассмотрения той же самой вещи. Физики находят удобным классифицировать «частности» в вещи, тогда как психологи — по «перспективе» или по «биографии». Вот почему «одна “перспектива” может составлять моментальные данные одного воспринимающего, а одна “биография” — компоновать целое из данных одного воспринимающего через его жизнь». Таким образом, материя из «предела» чувственных данных в «нашем познании внешнего мира», связанного с «внетеоретической верой» в бытие

* Ibid. P. 120–137.

** Ibid. P. 124–125.

внешнего мира, становится «перспективой», в которой сходятся временные ряды группируемых «частностей».

В заключение этой статьи философ утверждает, что его «теория может быть истинной», хотя ей мешает «дискредитация чувственных данных», остающихся все еще единственным источником нашего познания внешнего мира*. В данном случае является помехой и невозможность определения предметов, которые могут и должны быть заменены логическими конструкциями. Предлагаемое им «нейтральное вещество» оказывается отличным от подобного у «чистых» реалистов и нейтральных монистов: в него он включает *ощущения, образы и не воспринимаемые события, «частности» и логические конструкции*. Эти составные элементы внешнего мира отражали расселовский естественнонаучный материализм и были основой его философского плюрализма.

Влекших по логическому атомизму (1918–1919) Рассел, признавая нейтральный монизм Джеймса, считает его логически связанным с бихевиоризмом Дж. Уотсона**. Сознание, память, психическое заменяются логическими конструкциями из ощущений, объясняемых чисто с бихевиористских позиций. Это было связано с отказом от традиционного для неореализма разграничения объекта и духовного акта, через который он распознается. Рассел приходит к отрицанию принципиальной разницы между материальным и духовным: физическое и психическое есть лишь разные *аспекты поведения субъекта*. Материя и дух оказываются частными случаями бытия, подходящими под «субъект суждения» вообще. Здесь Рассел как бы предупреждает появление в 1970-х гг. концепций «функциональных» материалистов (Х. Патнэм, Дж. Фодор и др.).

Вэссе «О пропозициях» он называет «весьма привлекательным»*** взгляд Джеймса в работе последнего «Эссе по радикальному эмпиризму». Рассел как бы убеждает себя в истинности теории Джеймса, ощущения могут быть как ментальными, так и физическими, тогда как образы будут чисто ментальными. Как отмечает У. Стейс, нейтральный монизм был интерпретирован Расселом «как одобрение феноменализма», как отказ от реализма платоновского толка****.

Трудность восприятия учения Рассела в целом (еще до выражения его в «Анализе сознания» и «Анализе материи») состоит в том, что мыслитель пытается совместить все подходящее для его точки зрения теории: номинализм «Оснований математики», феномена-

* Ibid. P. 137–138.

** Russell B. Logic and Knowledge. London, 1956. P. 277–279.

*** Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 124.

**** Stace W. P. Russell's Neutral Monism // The Philosophy of Bertrand Russell. London, 1944. P. 353.

лизм и англосаксонский натурализм, взгляды неореалистов и рассуждения в духе Уотсона, Brentano, Мейнонга, Уайтхеда и раннего Витгенштейна. Его философию расценивали даже как новую разновидность «трансцендентального» реализма*. Однако у него все же доминирует логистика, утверждающая, что «чувство действительности бесполезно для логики», ибо для Рассела кроме логической какой-либо иной необходимости не существует.

К чему же приходит Рассел в работе «Анализ сознания», в которой, по общему мнению, он демонстрирует систему нейтрального монизма? Последний определяется им в духе Джеймса: материя и дух формируются неким первичным «нейтральным веществом». Элементы, составляющие это вещество, выступают в виде логических атомов или идеальных элементов мысли и чувственных данных; притом каждый из них имеет двойственную духовно-материальную природу. В действительности, «нейтральные элементы» выступают как идеальные начала, поскольку вся материя понимается Расселом как «логическая фикция», «конструкция», позволяющая утверждать каузальные законы, использующиеся для упорядочения ощущений. Физический мир становится продуктом духовной деятельности человека; все «пространственно-временное бытие» выступает в качестве системы, составленной из «духовных событий», как «сложная логическая структура»**.

Таким образом, можно констатировать, что Рассел выработал свою собственную версию «нейтрализма», отличную от имеющихся к тому времени подобных концепций. Изучение физического, психологического и физиологического контекстов «Анализа сознания» и «Анализа материи» доказывает это, поскольку именно здесь продолжается модификация неореализма.

В «Анализе сознания» Рассел в соответствии с замыслом «овеществления» сознания и его содержания обратил внимание на доказательство материальности психических процессов. В этом послужило свою роль неверное истолкование им факта относительности противопоставления вещества и иных форм существования материи в современной ему физике, как и утверждение, что психическое является продуктом материи. Конечно, Рассел не собирался доказывать материальность психического в духе У. Фогта и Я. Молешотта, а стремился примирить противоречащие тенденции современной ему мысли. С одной стороны, психологи все больше подчеркивали зависимость психических явлений от физических, а бихевиоризм Уотсона

* Блонский П. Современная философия. 4.2. М., 1918. С. 205. См. также: Ryle G. Bertrand Russell (1872–1970) // *Revue Internationale de philosophie*. 1972. № 102. P. 440.

** Russell B. *The Analysis of Mind*. London, 1921. P. 306, 307.

(который изучал поведение человека в пространственно-временном континууме) обусловил считать физику основой психологии. С другой стороны, среди физиков проявилась тенденция к характеристике содержания «старомодного» материализма конструкцией из событий. Примирение этих тенденций вело к заявлению, что «физика и психология не различаются своим материалом»*, сознание и материя являются конструкциями из нейтральных сущностей.

В ходе выработки нейтрализма Рассел отказывается от прежнего резкого различия между чувственными данными и их осознанием, считая последнее «не обязательным и фиктивным». Он также утверждает, что содержание мысли и есть сама мысль, и практически отклоняет не трактовку «мыслительного акта» Brentano и Meinong, а сам реальный процесс порождения мысли. Последняя отрывается от порождающего ее субъекта и берется как существующая для наблюдателя, независимая и нейтральная, совпадающая с ощущениями непосредственного «опыта», в котором растворяется материальное. Различие между мыслью, сознанием и объектом ликвидируется, поскольку утверждается, что само содержание ощущений и является объектом, а вера в существование реального объекта мысли сводится к отношению между первоначальной мыслью и последующими, т. е. к другой мысли**. Продолжая традиции американских реалистов, Рассел объявляет данные физических наук психологическими данными, а психологию всеобщей наукой, по отношению к которой физика выступает как бы производной дисциплиной, ибо психология распоряжается основными составляющими первичной данности — ощущениями.

«Анализ сознания» представляет собой антологию субъективно идеалистической критики понятий сознания, интроспекции, инстинкта, чувства, воли, навыка, желания, ощущения, памяти, мышления, эмоций и психических явлений, посредством которой проводится концепция «нейтрального монизма» относительно всего содержания «духовного». При этой оценке психическое сводится, с одной стороны, к ощущению, а с другой — к поведению. К последнему сводятся желания как бессознательный акт человеческой психики, как некоторое выражение природы форм поведения и верования, как различные комплексы ощущений образов, являющиеся первоосновой мыслительного процесса. Духовное — конгломерат ощущений, образов и отношений между ними. Образы как результат обусловленной детерминации, сводимой в итоге к физическим закономерностям нервных процессов, рождаются из ощущений. Ощущения оказываются основой в равной мере и духовного, и физическо-

* Ibid. P. 307.

** Ibid. P. 17–18.

го. Желания, инстинкты, навыки Рассел, как бихевиорист, считает формой поведения. Вся остальная область психического объявляется им логическими конструкциями их нейтральных элементов — ощущений, из которых строится и мир физики. Ощущения выступают и результатом, и элементом мыслительно-познавательной деятельности индивидуума. Они «в равной мере данные и для психологии, и для физики» и являются некоей отчужденной сущностью.

При этом Рассел принял разделение «впечатлений», чувственных данных, предложенных Юмом, на сами чувственные *данные* и «страсти» (этические, эстетические и *религиозные чувства*). Не чуждо было ему и признание, как в физике Ньютона, «атомов» человеческой субъективности — «впечатлений». Логика последовательного феноменализма также приводит Рассела к нейтральному монизму, согласно которому события ассоциированы с нервной системой и становятся соединенными с ней. Это было своеобразным отрицанием психического и физического в теории познания — признание основой мира «нейтральных элементов», а «духа» — «ассамблеей частных». Вслед за Махом Рассел пытается превратить все науки в ветви психологии ощущений, своеобразно сочетая последние с бихевиоризмом. Джеймса Рассел поддерживает в его отрицании сознания как сущности и сам утверждает в духе сенсуализма Юма, что субъект «представляется логической фикцией вроде математических точек и моментов»*.

Непоследовательность и противоречивость этой концепции проявляются в стремлении Рассела отвергать субъективно-идеалистическую версию интроспекционизма в понимании «значения» и критике бихевиористов за отрицание существования образов воображения или преуменьшения их роли**, и трактовке «факта» как состояния сознания познающего субъекта. Однако возобладали позиции сенсуалистического интроспекционизма, выраженные еще в «Проблемах философии». Вопреки всякой научной теории познания Рассел объявляет «внутреннее зрение» основным методом психологии и познания вообще. Познание чувственного субъективно и исключает всякую возможность перехода к рациональной ступени познания, к познанию сущности, закономерностей явлений материального мира.

Ещё более противоречивые высказывания Рассел допускает относительно сознания, которое объявляется им то фикцией, то конвенцией, не имеющей аналогов в поведении, то посредством его им обозначаются ощущения и образы воображения. В конечном счете он заявляет, что бы ни означало «сознание» как термин, само сознание есть «сложная и далеко не универсальная характеристика умственных

* Ibid. P. 144, 297.

** Ibid. P. 236.

проявлений»*. В эссе «Логический атомизм» (1924) Рассел пишет: сознание есть множество сосуществующих событий в такой области пространства-времени, где имеется материя, своеобразно подверженная склонности образовывать привычки. В «Анализе сознания» он недвусмысленно заявляет, что в психологии мы стоим ближе к «действительно сущему», т. е. ощущению, чем в физике. Как отмечает А. Квинтон, Рассел склонен считать именно психологию «фундаментальной наукой»**, от которой физика является производной.

Один из критиков Рассела, У. Стейс, уверен, как и Коплстон, что попытка устранить сознание окончилась неудачей, Рассел видит различие между духом и материей существующим только в *отношении*. Это отношение не может быть сведено к физическим отношениям и не имеет места в материальной сфере, т. е. оно отнюдь не нейтрально, а субъективно. И Рассел приходит к дуализму, считая, против него нет ни одного разумного возражения, как и против того, «что данные интроспекции наблюдаемы».

Обозревая свое философское развитие, Рассел критично говорит об изменениях в его взглядах на сознание, ощущение, опыт. Ясно видна непоследовательность и противоречивость нейтрального монизма Рассела и в полемике с прагматистом Шиллером, который выступил против расселовской теории, предлагаемой в «Анализе сознания»***. Шиллер показал, что «атомистика» Рассела демонстрирует возвращение к юмовскому субъективизму и плюрализму. По Расселу, «все физические явления строились только из ощущений и образов»****. С точки же зрения Шиллера, физические явления требуют особый строительный раствор, их связывающий. Та множественность, которую Рассел трактует как данное, в подлинном опыте не существует и является всего лишь искусственной конструкцией. Главный недостаток данной концепции в том, что Рассел не интересуется действительным источником психического развития, а только идеальными описаниями его продуктов. Правда, альтернатива, предлагаемая Шиллером, тоже далеко не нова. Ее суть такова: исследовать сознание как законченное целое, связанное с жизнью, целыми и благополучием организма, совершающего разумный акт*****.

* Ibid. P. 69, 308.

** *Quinton A. Russell's Philosophical Development // Philosophy. 1960. № 35 (132). P. 10.*

*** *Russell B. Dr. Schiller's Analysis of «Analysis of Mind» // Journal of Philosophy. 1922. Vol. 19. P. 645–651.*

**** *Russell B. Analysis of Mind. London, 1921. P. 279.*

***** *Schiller F. S. C. Mr. Russell's Psychology // Journal of Philosophy. 1922. Vol. 19. P. 284–285, 288.*

Рассел отмечал, что теория есть дело философии, и без хорошей или плохой теории не будет никакой особого рода интеллектуальной деятельности. Философ, создающий систему в подражание «реальной жизни», ограничен: надо учитывать многие факторы, и в первую очередь связь философии с наукой, которая стала более абстрактной и аналитической. Получить знание иным способом, минуя научный, по Расселу, невозможно. Книга «Анализ сознания» и была посвящена, говорит он, «связующему раствору», описанию связей полноты психической жизни человека: «отношения и понятия существуют нераздельно».

Сложная структура «нейтрального вещества» не удовлетворяла не только критиков, но и самого Рассела. Он приступает к новой ревизии своей философии, которую проводит в противоречивой работе «Анализ материи». Эта книга не является простым продолжением предыдущей. Она представляет собой не только демонстрацию теоретико-познавательной доктрины нейтрального монизма, но и знакомит также с рядом достижений в области физики. Одно перечисление имен (Эйнштейн, Гейзенберг, Бор, Борн, Резерфорд, Иордан, Планк, Шредингер и др.) показывает, что автор пытается основательно разобраться в философских проблемах естествознания. Здесь были сделаны и интересные выводы в плане методологии науки. В этой работе также анализируются такие понятия, как протон, нейтрон, теория квантов, а также специальная и общая теория относительности. Исследуется отношение восприятия к физическим явлениям, рассматривается природа эмпирического знания, структура физического мира, понятия гипотезы, теории, закона, субстанции, научного вывода.

Не останавливаясь подробно на анализе научного аппарата данной книги, следует отметить серьезное отношение автора к данным науки и особенно современной Расселу физики. Он говорит о веществе мира, материи как пространственно-временном континууме, конструирует сознание из пространственно-временных элементов, рассматривает события как независимые от сознания и существующие вне его. Неотомист И. Фишль даже говорит о «материалистическом монизме» Рассела. Ю. Бохеньский в одной из своих книг рассматривает философию Рассела вместе с диалектическим материализмом. С точки зрения Э. Куинтона, правильнее было бы считать Рассела колеблющимся материалистом*. Это единство в оценках между различными авторами не случайно, а является результатом того факта, что «нейтральным веществом» провозглаша-

* *Quinton A. Russell's Philosophical Development // Philosophy. 1960. № 35 (132). P. 7.*

ется «событие», которое несет с собой сильную материалистическую интерпретацию.

Основная задача «Анализа материи» — «обнаружить философский смысл физики», так ее интерпретировать, чтобы отвести надлежащее место восприятиям. Рассел видит два аспекта этой проблемы: «приравнять физический мир миру восприятий и приравнять мир восприятий физическому миру. Физика должна быть интерпретирована в направлении к идеализму, а восприятия — в направлении к материализму». «Я полагаю, — пишет он, — что материя менее материальна, а дух менее духовен, чем обычно предполагают, и что когда это предстает, то трудности, выдвинутые Беркли, почти исчезают». Другими словами, необходимо «перекинуть мост через пропасть между физикой и <...> восприятием»*. В эссе «Что такое душа» (1928) философ пишет: «и сознание, и материя являются просто удобными способами организации событий»**.

Рассел избрал апробированный путь. Исходя из субъективно-идеалистической теории о «непосредственной данности» восприятий и вторичности выводимого из них мира, он различает непосредственное знание, относящееся к миру опыта, знание-знакомство, и выводное знание, принадлежащее к физическому миру. Однако выясняется, что пропасти между восприятиями и телами, с которыми имеет дело физика в отношении внутренних качеств, не существует. Она существует только относительно наших знаний этих двух царств, но можно предположить, что восприятия являются частью физического мира, которую мы и познаем***. Рассел здесь ближе к наивному реализму, поскольку считает, как уже отмечалось, что запах, звук, вкус и пр. есть объективное свойство материальных вещей, но допускает ошибку, отождествляя с ними ощущения.

Выступая против Беркли и объективных идеалистов, Рассел утверждает, что психические события — часть материала физического мира, и «скептические аргументы феноменалистов о возможности существования чего-то еще, что мы не можем знать, заслуживают большего уважения»****. Он выделяет три класса уверенности относительно знания: высший — мои собственные восприятия; затем — восприятия других людей, общающихся со мной; и низший — события, никем не воспринимающиеся, но имеющие такую возможность. Только те объекты, которые мы проводим через наши восприятия, дают нам основание верить в их существование. Чтобы избежать обвинения в солипсизме, который вытекает из этих

* *Russell B. The Analysis of Mind. London, 1921. P. 5–7.*

** *Рассел Б. Искусство мыслить. М., 1999. С. 121.*

*** *Russell B. The Analysis of Mind. London, 1921. P. 264.*

**** *Ibid. P. 388.*

положений, он предлагает «солипсизм момента»: все мое знание ограничено тем, что я вижу в настоящий момент, а принципы неиндуктивного вывода оправдывают нашу веру в существование внешнего мира и других людей. К этому выводу он был уже подготовлен, поскольку считал феноменализм промежуточным звеном между солипсизмом и обычным научным взглядом.

Конечно, не надо сбрасывать со счетов и непризнание им материальной субстанции, к которому ведет его доктрина внешних отношений: признание субстанции ведет к допущению внутренней связи между этой субстанцией и ее атрибутами. Эта теория, как уже отмечалось, снимает активное отношение субъекта к познаваемому объекту и дает возможность якобы бесстрастно, без налета субъективности, объяснить действительную реальность посредством опыта человека. Рассел так и заявляет, что как категория здравого смысла субстанция играла огромную роль в примитивном мышлении, а в настоящее время выражает «эмоции узнавания». На примитивной стадии мышления не было различия между «субстанцией» и «вещью». Поскольку, согласно его версии, наука имеет дело с «событиями», «вещи» становятся бесполезными в науке. Место «вещи» занимает понятие «физического объекта» как восприятия группы событий, собранных вокруг центра в виде некоей «абстрактной возможности», заменившей собой понятие «субстанции». Нейтральным веществом становится «событие», т. е. нечто такое, что занимает небольшую конечную часть пространства-времени <...>

Проблема власти в философии Бертрانا Рассела

Политические взгляды, как философия политики и философия власти Бертрана Рассела, представлялись исследователями по-разному. Так, известный биограф Рассела А. Райан и исследователь Б. Барбер защищают точки зрения, которые можно квалифицировать как противоположные, что касалось отношения Рассела к пацифизму, анархо-синдикализму, социализму, либерализму. С другой стороны, они показывают гибкость отношения Рассела к этим явлениям, которая усиливается с годами. Рассел известен как философ и математик, общественный деятель и борец за мир; прожил долгую жизнь, которая позволила ему наблюдать развитие европейской истории на протяжении почти ста лет. Его юность пришлась на времена Викторианской эпохи Британии, в период зрелости он видел мировые войны и революции, в 1960-е гг. он видел крах колониальной системы, в зрелом возрасте он застал эпоху научно-технической революции и появление ядерного оружия. Все эти события в той или иной мере повлияли на мировоззрение Рассела, способствова-

ли формированию противоречивых идей и взглядов. Довольно часто в политических сочинениях он следовал идеям, созданным другими. Немаловажным представляется и тот факт, что крестным отцом ученого являлся Джон Стюарт Милль, которого называли «интеллектуальной совестью английского либерализма середины XIX в.»^{*} Сказалось и его увлечение англогегельянцами с их теорией государства, подчиняющего себе личность.

Как сын титулованных родителей по окончании учебы в 1894 г., Рассел был отправлен в Германию в ранге атташе по культуре. В Берлине той поры на пике популярности были социалистические и социал-демократические идеи, знакомство с которыми Рассел и представил в своей первой работе — «Германская социал-демократия» (1896). Первый биограф Рассела Алан Вуд отметил, что у философа было почти журналистское чутье: он предвидел важные общественно-политические изменения в мире, одним из первых он исследовал немецкий милитаризм и марксистский коммунизм, которые и стали определяющими для облика мира в последующие десятилетия. Стоит отметить и тот факт, что до конца своих дней Бертран Рассел оставался истинным викторианцем, что означало на практике воплощать ряд ценностей, среди которых были высокая принципиальность и самоуверенность.

Однако Первая мировая война совершенно преобразила его жизнь. Дело было не в простом изменении его распорядка дня и сути самих академических занятий, а в направлении его интеллектуальной энергии, оживлении его политических страстей, что в конечном итоге бросило тень на его общественную репутацию. Едкая и настойчивая оппозиция Рассела вынудила его оставить уединенную жизнь академического ученого ради беспокойного бытия преданного активиста и направила его интеллектуальное внимание с узких проблем философии и логики к более широким проблемам политики, образования и истории. Все эти обстоятельства были отражены в книге «Власть: новый социальный анализ» (1938), в которой Рассел выразил грандиозные амбиции и смелые надежды.

Сказались и промахи британской иностранной политики, потрясение грубостью внутренних реформ и оскорбление расширением жестоких режимов в Италии, Германии, России и Испании. В 1930-е гг. Рассел с отчаянием пытался убедить общественное мнение, что возможная война, которой можно было бы избежать, приведет всю Европу к новому веку варварства и фанатизма. Работа «Каков путь к миру?» (1936) показывает не столько отчаяние Рассела, сколько выражение пораженчества и крах надежд на грядущий мир.

^{*} Ryan A. Bertrand Russell: A Political Life. London, 1988. P. 2.

По его мнению, Маркс, Фрейд, Бергсон, Сорель, Парето не обеспечили ни правильный анализ существующих условий, ни полезные установки для будущих действий. Рассел был убежден, что требовался новый социальный анализ, и летом 1937 г. он садится за написание книги. Своему издателю Стэнли Унвину он пишет, что его проект претендует на создание новой науки, наподобие «Богатства народов» Адама Смита. К октябрю 1938 г. она была написана почти исключительно с опорой на собственный интеллектуальный капитал Рассела и в большой мере была актом интеллектуального и политического доказательства того, что он не тратил попусту усилия, а подтвердил общепризнанную амбицию работать для «подлинного поддержания мира через политическое просвещение и человеческое понимание».

Книга открывается смелым утверждением цели: доказать, что понятие социологии «власть» фундаментальное, в том же самом смысле, в котором «энергия» является фундаментальным понятием в физике. Так Рассел провозглашает свои амбиции быть «Ньютоном социальных наук» (Райан). Логика его рассуждения заключается в следующем: было бы нелепо провозгласить, скажем, энергию механического перемещения (или любую другую) как «главную», а все остальные — как ее производные. Но столь же ошибочно и абсолютизация какой-то отдельной формы власти, и объявление ее фундаментом для всех других форм, как это сделали, например, представители английской классической политической экономии и вслед за ними Карл Маркс применительно к экономической власти. В этой связи Б. Рассел писал: «Подобно энергии, власть имеет много форм, таких как богатство, вооруженные силы, гражданская власть, влияние на взгляды людей. Ни одна из них не может рассматриваться как подчиненная какой-то другой форме власти, и нет единой формы, из которой зародились бы все остальные»*.

Книга богата историческими и культурными сравнениями, обстоятельными связями между формами власти и, как всегда, написана с большим остроумием, воодушевлением и ясностью. Рассел не предлагает просто объяснительную систему или аналитический обзор, необходимо проистекаемые из теорий Маркса, Фрейда, Дюркгейма или Вебера. Он не чуждается обсуждения и таких специфических устойчивых тем, как психология революционных лидеров, проблема защиты и ограничения полномочий демократических правительств, расширение бюрократии, роль мнения в создании и в легитимации власти. Все темы были поданы одновременно тонко и пронизательно, но что особенно важно, они были проанализированы на фоне устойчиво мрачнейшей европейской сцены.

* *Russell B. Power. A New Social Analysis. London, New York, 2004. P. 9.*

В своем предисловии профессор Кирк Уиллис утверждает, что книга действительно предстает как нечто одинаково редкое и полезное издание — «изобилие явного здравого смысла и простого разговора». Прочитать ее в завершении двадцатого беспокойного столетия означает быть пораженным предвидением его предупреждений относительно опасностей контроля со стороны средств массовой информации и пропаганды, пронизательностью его оценки фашизма, нацизма и сталинизма и мудростью его замечаний относительно распространения насилия и нетерпимости даже в демократических государствах. «Власть, таким образом, остается книгой, чья смесь редкого здравого смысла и необыкновенной мудрости говорит с нами, как всегда, с таким большим красноречием и пониманием»^{*}. Читатели, плохо знакомые с Расселом, могут быть потрясены и тем, как циничны некоторые из его замечаний. Но это — «вид цинизма, который часто отмечает расстроенного идеалиста». Его отклонения в политическую философию всегда просвещают. «Власть» была написана в конце 1930-х гг. в век диктаторов: Гитлера и Сталина, Муссолини и Франко. Рассел заявляет, что Фихте был первым из современных философов, которые скрыли их собственную любовь к власти под покровами метафизики.

Раскрытие главной темы «Власти» проведено через несколько ключевых факторов человеческой деятельности, которые могут объяснить войны, революции и диктатуры. В 1930-х гг. Рассел видел два главных соперника в определении политики — экономический фактор и сексуальный. Экономический был в то время в значительной степени представлен Карлом Марксом, идеология которого прокладывала дорогу интеллектуальному мнению широкой массы и продолжала жить в послевоенные десятилетия, особенно в континентальной Европе. Экономические интерпретации истории все еще живы; но до некоторой степени они были заменены — хотя только в узких интеллектуальных кругах — «империалистической» формой классической экономики, которая стремится объяснить широкие области человеческого поведения, от семейных отношений до захватнических войн, в терминах рационального поведения и поиском полезности, максимизирующим людей. Но их проблема состояла в том, что они являются ложными: корыстные люди не участвовали бы в настоящей войне, что Рассел и объяснял в своей книге «Власть». Хотя главной конкурирующей интерпретацией в 1930-х гг., когда Рассел писал книгу, был фактор сексуальный, хотя этот мотив широко критиковался ввиду затруднительности его эмпирической проверки.

* Ibid. P. 9.

Эту работу Рассел считал своим самым вдумчивым и тщательно разработанным вкладом в политическую социологию. Обращение мыслителя к феномену власти было обусловлено стремлением защитить человека от злоупотребления с ее стороны. Рассел вплотную занялся исследованием власти во второй половине 1930-х гг., и это было неслучайно: в ряде стран к тому времени восторжествовали тоталитарные режимы. Рассматривая политику Гитлера, Сталина и Муссолини, Рассел делает вывод, что современные концепции не способны правильно интерпретировать истинную сущность этих новых видов диктатур. Рациональнее было бы применение «нового социального анализа», проецируя его на условия, когда Вторая мировая война уже была в полном разгаре. Учитывая все это, Рассел берется за написание своего главного политико-философского и социологического произведения, которое вышло в конце 1938 г. и, по всей видимости, принимало во внимание подписанные незадолго до этого Мюнхенское соглашение и пакт Молотова — Риббентропа.

В ходе разработки своей теории власти, Расселу пришлось собрать огромное количество материалов по политической истории многих обществ, начиная с древнекитайского и вплоть до современных, изучить немало учений, начиная с конфуцианства и заканчивая марксизмом. Помимо этого, были рассмотрены ряд фактов политической жизни, формы власти в традиционных и современных политических системах. Основные выводы и обобщения, полученные в ходе анализа всех вышеперечисленных факторов, отличаются своей глубокомысленностью, всесторонностью и структурированностью. Они затрагивают вопросы мотивов власти, организации, форм осуществления политических, экономических, юридических, философских, психологических и этических условий функционирования властных отношений, характеристики индивидуальных и коллективных носителей. Каждая из этих сторон проанализирована достаточно глубоко. Стоит отметить, что в работе повсеместно встречается категорическое осуждение злоупотребления властью и рассуждения о необходимости выработки мер пресечения этого явления. Однако методология философско-исторического анализа остается позитивистской — стремление в философских рассуждениях отталкиваться от индивида и его психологических характеристик. Как и Милль, он понимает общество как механическую совокупность людей, и только понимание природы индивида дает ключ к изучению социального целого. Вторая особенность теории Рассела — тенденция к психологическому редукционизму социальных явлений, в результате которого теряется специфика общественной жизни, реальные законы возникновения и функционирования института власти.

Большая часть этой книги содержит классификацию различных источников власти, типа священнической, королевской, революционной или экономической власти. Цель Рассела состоит в том, чтобы исследовать, как мы можем наслаждаться преимуществами государственной власти, предотвращать войну всех против всех, о которой предупреждал Гоббс. Немаловажным является и постижение механизмов поведения человека для познания жизни общества, что было давно осознано видными представителями западной социальной философии и политологии. Рассел отмечает, что существовало несколько подходов к объяснению ключевых мотивов человеческой деятельности, которые могут помочь понять первопричины войны, революции, диктатуры и враждебности людей друг к другу. В 1930-х гг., по его мнению, это были экономический и сексуальный подходы к объяснению мотивов. Экономический мотив более полно был представлен Карлом Марксом, идеология которого приобрела огромную власть над многими умами и сохраняла свое влияние на долгие послевоенные годы, в особенности в континентальной Европе. Экономические интерпретации истории все еще живы; но до некоторой степени они были заменены — хотя только в узких интеллектуальных кругах — «империалистической» формой классической экономики, которая стремится объяснить широкие области человеческого поведения, от семейных отношений до захватнических войн, в терминах рационального поведения и поиском полезности, максимизирующим людей. Но их проблема состояла в том, что они являются ложными: корыстные люди не участвовали бы в настоящей войне, что Рассел и объяснял в своей книге «Власть». Главная конкурирующая интерпретация в 1930-х гг., когда Рассел писал «Власть», был двигатель сексуальный, как провозглашено в учении Зигмунда Фрейда и его последователей. Хотя сексуальный мотив широко критиковался ввиду затруднительности его эмпирической проверки.

Оба этих подхода не показались Расселу достаточно объективными и состоятельными, и он предложил свой, третий, вариант. Любовь к власти, отмечает британский мыслитель, вероятнее всего, является ключом к пониманию человеческой социальной деятельности. Как и Томас Гоббс, Рассел имел несколько пессимистичные взгляды на природу человека. Он утверждает, что только человек может быть настолько не удовлетворен своей судьбой, что стремится к большему количеству благ и ресурсов, чем ему необходимо для удовлетворения своих потребностей. Эту особенность Рассел назвал «импульсом к власти», который не проявляется, пока базовые потребности человека не удовлетворены. По мнению философа, любовь к власти присуща каждому человеку, однако она принимает различные формы в зависимости от индивидуальных качеств индивида и его амбиций.

Поскольку сверхзадача, которую ставил перед собой Рассел, заключается в том, чтобы «укротить», «усмирить» власть, сделать ее менее жестокой, а в конечном итоге поставить ее под контроль общества и его законов, то можно сделать вывод, что британский мыслитель трактовал власть, прежде всего, как принуждение, насилие. Однако это верно лишь отчасти. Ибо если рассмотреть проблему с другой стороны, будь у власти лишь один инструмент — насилие, — человечество едва ли смогло бы осуществить значительные социальные преобразования в духе гуманизма и свободы. Поэтому британский мыслитель, не давая четкой дефиниции понятию власти как таковой, а как бы показывая результат ее использования и обладания, одновременно устраняет из определения признак принуждения: «Власть может быть определена как осуществление намеченных целей. Таким образом, это чисто количественное понятие: из двух данных людей со сходными устремлениями большей властью обладает тот, кто сможет осуществить больше своих намерений»^{*}.

Хотя любовь к власти и присуща всем людям, по степени интенсивности она распределена между ними далеко не равномерно. Рассел разделил людей на два класса: на тех, кто обладает властью в конкретной ситуации, и на тех, кто ею не обладает. Импульс к подчинению, согласно философу, не является самостоятельным, а коренится в чувстве страха, обусловленного опасностью: даже непослушная группа детей будет полностью повиноваться взрослому в такой опасной ситуации, как пожар. Всегда, когда есть внешняя опасность, импульс большинства людей ищет власть и подчиняется ей. Власть может быть определена как производство намеченных эффектов. Власть над людьми может быть классифицирована манерой влияния на людей, или типом вовлеченной организации.

Классификация форм власти имеет различные вариации, например, по масштабу ее использования, по престижу носителей власти, по общественной роли, которую выполняет та или иная форма власти и т. д. Естественно, любая классификация обладает своими достоинствами и недостатками. Рассел предложил свой вариант классификации, в основание которого лег способ осуществления власти над человеком: «На человека можно влиять: а) посредством прямой физической власти над его телом, т. е. когда его заключают в тюрьму или убивают; б) воздействием системы вознаграждений или наказаний в качестве стимулов, т. е. предоставляя работу или отказывая в ней; в) влиянием на взгляды и мнения людей, т. е. пропагандой в самом широком смысле»^{**}. Критерии классификации власти повторяют типологию господства М. Вебера.

^{*} Ibid. P. 23.

^{**} Ibid. P. 25.

Организации, сплоченные общими целями и имеющие четкую иерархию и структуру группы людей, выполняющие определенные функции и играющие наиболее важную общественную роль, отличаются друг от друга способами осуществления власти. Таким образом, армия и полиция реализуют «власть над телом», экономические организации используют систему вознаграждений и наказаний с целью поощрения или устрашения, а школа, политические партии, религиозные организации используют методы формирования убеждений людей. Однако эти определения, как указывает британский философ, не являются предельно точными и четкими, поскольку каждая организация использует и другие формы для осуществления своих функций и, как следствие, власти. Это положение английский мыслитель иллюстрирует с помощью рассмотрения правоохранительной деятельности государства. Так, сила закона проявляется в возможности государства заставить своих граждан соблюдать его. Заставить исполнять законодательство можно при помощи физического наказания, например, заточив нарушителя в тюрьму. В этом случае осуществляется «власть над телом». Система штрафов не гарантирует соблюдение закона, но способствует тому, что его нарушение становится нежелательным. В таком случае используется экономическая система наказания. Кроме того, закон почти бессил, если его не поддерживает общественное мнение. Чтобы этой ситуации не было, требуется идеологическая деятельность, «власть над мнением».

Интенсивность чувств, направленных на поддержку существующего правопорядка, является, согласно Расселу, одной из наиболее важных характеристик общества. А это приводит к необходимости отличать традиционную власть от новой, недавно возникшей. Власть, не основанную на традиции или согласии, он называет «чистой» властью. Традиционная власть опирается на силу привычки, а потому и поддержку со стороны населения. Она не нуждается в самооправдании за каждый свой шаг. Кроме того, такая власть почти неизбежно связана с религиозными или квазирелигиозными убеждениями, направленными на то, чтобы обосновать мнение, что любое выступление против нее безнравственно. «Я не называю власть традиционной лишь на том основании, что она имеет древние формы; необходимо также уважение к ней, которое отчасти обусловлено обычаем»*. В прошлом наиболее важную роль играли такие формы традиционной власти, как духовенство и короли.

Традиционная власть, если она не исчезает в результате иностранного завоевания, почти неизбежно проходит через определен-

* Ibid. P. 28.

ные стадии развития. Вдохновленная почти всеобщим одобрением, она легкомысленно начинает полагать, что такое уважение будет вечным. Лению, глупостью или жестокостью она сама разрушает свой авторитет и содействует распространению скептицизма. Сила привычки, не подкрепленная плодотворными делами, — сила ненадежная. В такой ситуации возникает и получает все более массовую поддержку какая-нибудь новая система политических ценностей, которая со временем приводит на вершину общественной пирамиды людей с новой идеологией. Есть исторические примеры и того, что в подобной ситуации на смену традиционной власти придет длительный период внутренней анархии и смуты.

Рассел рассматривает две формы традиционной власти, которые имели большую важность в прошлые годы; а именно, священническую и королевскую власть. Короли и священники, хотя и в элементарной форме, существуют среди самых примитивных обществ, известных антропологам. Иногда один человек комбинирует функции обоих. Это происходит не только среди дикарей, но и в очень цивилизованных государствах. Те, кто комбинирует практику медицины с тем из волшебных или религиозных обрядов, обычно приобретают их искусство специальным процессом, или инициированием, или инструкцией, а в Меланезии такое знание всегда должно быть куплено. С продвижением цивилизации, в большинстве стран священники становятся все более и более отдаленными от остальной части населения и все более и более мощной кастой. Но как опекуны древней традиции они консервативны, и как обладатели богатства и власти, они имеют тенденцию становиться враждебными или безразличными к личной религии. Рано или поздно вся их система будет свергнута последователями революционного пророка. Будда, Христос и Мохаммед — исторически самые важные примеры. Власть их последователей вначале была революционной и постепенно стала традиционной. Но, безусловно, самая большая сила Церкви была моральным уважением, которое она вдохновляла. Оно было унаследовано, как своего рода моральный капитал, слава преследования в древних временах. В итоге к эпохе Возрождения церковь потеряла всю моральную цель, которой она была обязана ее богатством и властью, и удар преобразования, реформации заставил произвести регенерацию.

Королевская власть имеет свои особенности. Происхождение королей, как и священников, является доисторическим, и о ранних стадиях в развитии королевского сана можно только догадываться, несмотря на то, что это явление все еще существует среди отдельных племен. Когда учреждение полностью развито, но еще не начало деградировать, король — человек, который ведет его племя или нацию

к войне и решает, когда начинать войну и когда сохранить мир; часто, хотя не всегда, он создает законы и управляет администрацией правосудия. Его возведение на трон обычно зависит в большей или меньшей степени от наследственных связей. Он, кроме того, священный человек: если не непосредственно бог, то, по крайней мере, помазанник Бога. Рассел ссылается на Хаммурапи (2123–2081 до н. э.), который совершил все, что должен сделать король. Он известен его кодексом законов, который был дан ему богом солнца, и показывает, что он преуспел в том, что средневековые монархи никогда не могли сделать, а именно, подчинить духовенство гражданским судам. Но его также отличали как солдата и как инженера. Патриотические поэты пели похвалы его завоеваниям.

Если новые политические ценности в обществе не получили достаточного распространения, чтобы его смогла возглавить новая авторитетная политическая сила, способная обеспечить социальный порядок, то с целью предотвращения анархии в свои права может вступить «чистая» власть. Этим термином британский мыслитель называет такую власть, чьи «полномочия» заключаются в покорности подданных вследствие чувства страха перед неприкрытым физическим насилием; подобная власть аналогична власти мясника над овцой или разбойника над жертвой. Такая власть обычно принимает вид военной власти — это или внутренняя тирания, или иностранное завоевание. Данный феномен полностью объяснил Никола Макиавелли в своем сообщении, где он с похвалой отозвался о предпринятых Цезаре Борджиа мерах для закрепления своей власти после смерти отца, папы Александра VII: «Он задумал четыре меры предосторожности: во-первых, истребить разоренных им правителей вместе с семействами <...> во-вторых, расположить к себе римских нобилей, чтобы с их помощью держать в узде будущего преемника Александра; в-третьих, иметь в Коллегии кардиналов как можно больше своих людей; в-четвертых, успеть до смерти папы Александра расширить свои владения настолько, чтобы самостоятельно выдержать первый натиск извне»*. При этом Рассел отмечает, что второй, третий и четвертый методы могут использоваться при любом политическом режиме, но осуществление первого в условиях благонаправленной формы правления вызвало бы взрыв негодования. Однако там, где верховодит «чистая» власть, подобные моральные ограничения, естественно, отсутствуют.

В общественной жизни «чистая» власть используется всегда, хотя и в разной степени. «Чистота власти — вопрос степени». Так там, где преследование существует, власть Церкви чиста относительно ере-

* Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 522.

тиков, но не относительно ортодоксальных грешников и верующих, соблюдающих все ее предписания. В демократических странах «чистая» власть применяется к экстремистам, но не к оппозиционным политическим партиям. Поэтому, учитывая, что вопрос о «чистоте» власти является проблемой не столько качества ее, сколько степени проявления, британский философ приходит к выводу, что «определение чистой власти является психологическим и правительство может обладать “чистой” властью по отношению к одному из своих подданных, но не в отношении всех остальных»^{*}.

Б. Рассел подметил определенную закономерность, которая нередко проявляется в политической сфере общественной жизни: «чистая» власть, как правило, является одним из этапов становления новых политических структур. Британский исследователь выделяет три фазы развития власти: первая — это фаза новой, нетрадиционной, фанатичной веры, ведущей к победе. Затем наступает фаза всеобщей покорности новой власти, поскольку она беспощадна к своим противникам. Расправившись с оппозицией, такая власть в глазах населения довольно скоро начинает восприниматься как традиционная, т. е. приобретает доверие народа. Наконец, возникает новая оппозиция с новыми идеями и верованиями, по отношению к которой власть вновь применяет методы насилия, т. е. становится «чистой».

Сменить традиционную может не «чистая», а революционная власть, которая зависит от большой группы людей, объединенной новым кредо, программой, или чувством, типа протестантства, коммунизма, или желания национальной независимости. Чтобы утвердить себя, и при этом использовать минимум насилия, ей требуется намного более сильная и активная поддержка населения, чем это необходимо для осуществления полномочий традиционной власти. Если же борьба была длительной и суровой, то новая власть часто принимает форму «чистой». При успешном завершении революции устанавливается система, в скором времени воспринимаемая населением как традиционная. Рассел иллюстрирует революционную власть на четырех примерах: 1) раннего христианства; 2) протестантизма; 3) Французской революции и национализма; 4) социализма и Русской революции.

Раннее христианство было полностью неполитическим. Христианство вело к ослаблению государства, или в пользу права частного суждения, или в пользу Церкви. Каждая успешная революция потрясает власть и делает социальное единство более трудным. Так было и с революцией, которая дала власть Церкви. Мало того что она

^{*} *Russell B. Power. A New Social Analysis. London, New York, 2004. P. 58.*

очень ослабляла государство, но она и устанавливала образец для последующих революций. Преобразование имеет два аспекта, которые касаются нас: с одной стороны, его теологический анархизм ослабил Церковь; с другой стороны, ослабляя Церковь, оно усиливало государство. Преобразование было в основном важно как частичное разрушение большой международной организации, которая неоднократно оказывалась более сильной, чем любое светское правительство. При этом, по словам Лютера: «Никто не должен думать, что миром можно управлять без крови. Гражданский меч будет и должен быть жестоким и кровавым». В Англии Генрих VIII взял в свои руки власть с характерной энергией и жестокостью. Объявляя себя главой Англиканской церкви, он принимался за работу, чтобы сделать религию светской и национальной.

Революционная власть, как показывает случай Наполеона, очень склонна ухудшаться и переходить в чистую власть. Столкновение конкурирующего фанатизма отличается ли в иностранном завоевании, в религиозном преследовании или в войне классов от чистой власти тем фактом, что группа, а не человек ищет власть, и что она ищет власть, не ради самой себя, но ради своего кредо. Так, российская революция важна в истории мира, но ее пока еще слишком рано судить; мы можем только говорить пока еще о ее некоторых аспектах. Как и раннее христианство, она проповедует доктрины, которые являются международными и даже антинациональными, как ислам, но в отличие от христианства, она является чрезвычайно политической. Единственной частью ее кредо, которая пока оказалась эффективной, является вызов либерализму. До ноября 1917 г. либерализм был побежден только реакционерами; марксисты, как другие прогрессивные силы, защищали демократию, свободу слова, свободную прессу и остальную часть либерального политического аппарата. Советское правительство, когда оно захватило власть, вернулось к учению католической церкви: международная часть коммунистической доктрины оказалась неэффективной, но отклонение либерализма имело экстраординарный успех. От Рейна до Тихого океана, все его главные доктрины отвергнуты почти всюду; сначала Италия, а затем Германия, приняли политическую технику большевиков; даже в странах, которые остаются демократичными, либеральная вера потеряла ее усердие. Распад либерализма имеет много причин, и технических, и психологических. Они находятся в технике войны, в технике производства, в росте средств обслуживания пропаганды, и в национализме, который является самостоятельным результатом либеральных доктрин. Все эти причины, особенно там, где государство имеет экономическую, так же как и политическую власть, очень увеличили власть правительств.

В отличие от Карла Маркса, подчеркивающего доминирующую роль экономической власти, Б. Рассел считал, что она является не главной, но производной. Внутри государства она подотчетна перед законодательством, на международной же арене она зависит от системы права лишь в незначительной степени. Когда между странами возникают острые экономические разногласия, они нередко разрешаются путем развязывания вооруженных действий или посредством угрозы их наступления. Любая разновидность экономической власти, кроме экономической силы труда, т. е. лиц, работающих по найму, может, вплоть до использования вооруженной силы, решить, кому будет предоставлена возможность использовать в своих целях данное производство, участок земли или полезные ископаемые. «Нефть Южной Персии принадлежит англо-персидской нефтяной компании, потому что британское правительство установило декретом, что никто больше не должен иметь доступ к ней, и до настоящего времени было достаточно сильно, чтобы предписать его желание; но если бы Великобритания была побеждена в серьезной войне, то собственность, вероятно, изменилась бы»^{*}.

Промышленник может объявить локаут, используя для этого вооруженные силы. Хотя внутри государства экономическая власть в конечном счете подчинена государству и зависит от общественного мнения, она легко может достичь выгодных для себя степеней свободы: на правосудие, а также на принятие благоприятных и удобных для себя законов она влияет при помощи подкупа должностных лиц и законодателей, а на общественное мнение — массированным воздействием столь же продажных «золотых перьев» пропагандистов. Кроме того, в случае конфликта с правительством экономическая власть может вызвать в стране финансовый кризис. «Экономическая власть, основанная на торговле, может быть устойчивой только тогда, когда она принадлежит большому сообществу, или тому, который является намного более цивилизованным, чем его соседи»^{**}.

Вместе с тем есть довольно четкие границы возможностей экономической власти. Так, британский философ отмечает, что Цезарю, например, помогли прийти к вершинам власти его кредиторы, которые не видели никакой иной возможности возвращения долга, кроме как его успеха на политическом поприще. Но, достигнув власти, Цезарь стал настолько могущественным, что смог проигнорировать претензии своих кредиторов. Аналогичным образом буржуазия, правда, в демократических странах не смогла добиться ни разрешения на беспрепятственный ввоз дешевой рабочей силы из слаборазвитых государств, ни прекратить деятельность профсоюзов и вос-

^{*} Ibid. P. 96.

^{**} Ibid. P. 104.

препятствовать воздействию социалистической пропаганды, как не смогла помешать и введению прогрессивного налогообложения.

Обладая экономической мощью, можно господствовать над военной и пропагандистской силой, но в равной степени справедливо и обратное утверждение. Так, в условиях довольно примитивного уровня развития общества военная сила обычно является источником других видов могущества, особенно в межгосударственных отношениях. Александр Македонский не был так богат, как персы, а Рим — как Карфаген, но в результате победы они стали богаче своих бывших противников. Имеются также многочисленные свидетельства того, что государства достигали военной мощи благодаря потенциалу своей экономики. В древности, например, такими были греческие приморские города-государства и Карфаген, а в позднее средневековье — Венеция и Генуя, в Новое время — Голландия, а затем Англия.

Конечно, немногие пойдут к Расселу для разъяснений по экономическим делам. Но даже здесь он обеспечивает здоровое напоминание, что право на собственность является в конечном счете основанным на законном насилии. Знание политической экономики, возможно, не помогло Расселу в его главном объекте анализа власти. В конкурентоспособной свободной демократии богатый человек имеет власть получить то, что он желает. Власть в этом смысле фактически синонимична с богатством, хотя олигархии богатых были в целом просвещенны и проникательны. Как Гоббс, Рассел убежден, что политическая сила обязана защищать людей от раздирания друг друга на части; но в отличие от него, он расценивает демократию как лучший выбор.

На поведение людей огромное влияние оказывают идеи, их умелая пропаганда. В этой связи Рассел справедливо отмечает, что очень легко обосновать тезис, что общественное мнение всемогуще и все формы власти целиком базируются на нем: армии бесполезны и беспомощны, если солдаты не верят в дело, за которое воюют; закон бессилён, если его не признают, а потому и не выполняют граждане, а религиозные идеи нередко оказывались сильнее государственной власти. Но столь же убедительно можно обосновать и то, что необходимую пропагандистскую поддержку можно обеспечить с помощью денег или военной силой. На таких основаниях могло бы говорить, что мнение является окончательной властью в социальных делах. Но это было бы только полуправдой, так как это игнорирует силы, которые вызывают мнение. В то время как верно, что мнение является существенным элементом в военной силе, одинаково верно, что военная сила может произвести мнение.

Что содействует успеху пропаганды? Она может достичь своих целей лишь тогда, когда ее положения постоянно повторяются, находят отклик в человеческой душе, когда она созвучна свидетельствам, чувствам, настроениям, желаниям, интересам человека, например, его желанию быть бессмертным, стремлению к счастливой жизни, к процветанию страны и т. п. Власть мнения всемогуща, поскольку все формы власти получены через нее.

Власть сообщества зависит не только от его числа, экономических ресурсов и его технической оснащенности, но также и от его верований. Фанатическое кредо, исповедуемое всеми членами сообщества, часто значительно увеличивает его власть; иногда, однако, кредо уменьшает власть. Поскольку сейчас идеи фанатизма больше в моде, чем они были в XIX в., вопрос их эффекта на власть практически очень важен. Один из аргументов против демократии — то, что нация объединенных фанатиков имеет больше шанса на успех в войне, чем нация, содержащая большую пропорцию нормальных людей.

Рассел специально разбирает вопрос кредо как источник власти. Классический пример власти через фанатизм — возвышение ислама. Мохаммед не добавил ничто к знанию или к материальным ресурсам арабов, и все же, в течение нескольких лет после его смерти, они приобрели большую империю, побеждая самых мощных своих соседей. Несомненно, религия, основанная Пророком, была существенным элементом в успехе его нации. С другой стороны, до какой степени свобода мысли должна быть поощрена или, по крайней мере, допустима? До какой степени — однородное кредо, или непосредственно или навязанное властью, может быть источником власти? И до какой степени, с другой стороны, действительно ли свобода мысли — источник власти? Поставив эти вопросы, философ в итоге дает такое заключение: «кредо или чувство некоторого вида существенны для социального единства, но, если оно должно быть источником силы, его нужно искренне и глубоко чувствовать значительным большинством населения, включая значительный процент тех, от кого зависит его техническая эффективность». Там, где эти условия отсутствуют, правительства могут стремиться выработать их посредством цензуры и преследованием; но если они серьезны, это заставляет людей уходить от действительности и знания ее фактов. Его обсуждения, однако, больше всего касаются эффектов фанатического кредо. Долгосрочные эффекты его весьма различны. «Кредо, которое используется как источник власти, вдохновляет, какое-то время», но если усилия не очень успешны, они «производят усталость, и осторожность, которые создают скептицизм». Вначале это будет определенное недоверие и простое отсутствие силь-

ной веры. Чем больше методы пропаганды использовались, чтобы произвести беспокойство, тем больше будет реакция, до той степени, что спокойная жизнь будет казаться «единственным наличием ценности вещи»*.

Когда Рассел задается вопросом, каким образом власть может быть «ограничена», все его надежды и страхи выходят на поверхность. Власть национального государства является большой проблемой. По существу, она направлена на разжигание войны, но в XX в. война всех против всех означает всеобщую гибель. Если мы не научимся жить сообща, то, несомненно, погибнем. Чтобы не допустить такого, Рассел предлагает уже знакомую из его предыдущих работ идею создания мирового правительства, состоящего из глав национальных государств, функции которого заключались бы только в профилактике предотвращения войны и обеспечении мира. Кирк Уиллис писал, что он ожидал, что книга закончится на этой теме мирового правительства. Фактически автор заканчивает потребностью в том, чтобы улучшить и гуманизировать образование. Он уже обсудил дорогу к мировому правительству в прошлых книгах и должен был сделать так снова в будущем; некоторые читатели могут даже чувствовать себя освобожденными, что он на этот раз не пошел в проторенной дорожке. Философ правильно замечает, что национализм «является глупым идеалом», который разорял Европу, но он не показывает никакого признака ни в книге, ни где-нибудь еще, наблюдения европейского федерализма, как полезен путь к мировому правительству. Перед собирающимся международным штормом, единственный удовлетворительный путь вперед был бы связан с «отменой национального суверенитета и национальных вооруженных сил и заменой их одним международным правительством с монополией вооруженной силы». Альтернатива этому движению была, как он написал, «смерть большого процента населения цивилизованных стран» и возвращение других к нищете и полуварварству.

Эта идея очень похожа на аргументацию, приводимую в «Принципах переустройства общества» и доктрину, которая позже будет описана в «Человеческом обществе в этике и политике». Акцент ставится на то, что «мир, в котором цели различных людей и групп совпадают, скорее достигнет счастья, нежели тот, в котором они вступают в столкновение»**. У человека есть множество желаний, некоторые из которых он может удовлетворить без вреда для интересов других, а удовлетворение иных невозможно без нанесения ущерба желаниям других. Мы все не можем быть одинаково богаты и могущественны. А всеобщее стремление к богатству и власти может

* Ibid. P. 125.

** Russell B. Human Society in Ethics and Politics. London, 1954. P. 19.

повлечь за собой ужасающие последствия, вплоть до полного разрушения. Средство от тотального уничтожения трудно применить на практике, но менее трудно понять.

Либеральная демократическая политика не является безупречной, но Рассел, предвидя защиту демократии Поппером, полагал, что либеральная демократия является воплощением истинного научного духа, позволяющим выявлять и осознать ошибки и проводить новые полезные реформы в социальной и политической организации. Как он писал, на протяжении следующих двадцати лет демократия будет развиваться и прогрессировать, если ее сторонники будут придерживаться скептического оптимизма, присущего ученому: «Характер поведения, необходимый для успеха демократии, практически является абсолютно тем же, что и научный характер поведения в интеллектуальной жизни». Райан отмечает, что «скептический оптимизм» — это то, что он под этим понимает. Но после полувека войны, тирании и военно-политических переговоров все равно трудно понять, в каком же виде должен быть либерализм и что же способно ориентировать его на мир и жизнь, а не на агрессию? Последняя работа в особенности отмечается Райаном, который утверждает, что «евангелие гражданского консерватизма» было недооценено: «Если она не устанавливала его как Ньютона политической науки, она показала, что он был способен лучше выразить смысл в десяти страницах, чем большинство социологов в десяти томах»*. Рассел был членом лейбористской партии, когда он написал эту книгу; он присоединился к ней во время Первой мировой войны, решая вынести социализм ради мира. Но в глубине души он всегда оставался классическим либералом.

* *Ryan A. Bertrand Russell: A Political Life.* London: Allen and the Penguin press, 1988. P. 114–115.